

МЯТНИК ВРЕМЕНИ

О Крыше с любовью!

РОСПАТРИОТ

сетер

Фонтану Бахчисарайского дворца

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, левая, ключ отрадней!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынном мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Александр Пушкин, 1824

Погасло дневное светило...

Александр Пушкин

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюсь я,
Воспоминая упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило.
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златые,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Крым

Бахчисарайский фонтан (отрывок из поэмы)

Волшебный край! очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада...
Всё чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...

Александр Пушкин, 1821-1823

Встреча с Пушкиным

Марина Цветаева

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Высится над высотой.
Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.
Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба...
Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.
Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.
Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя.
Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
– Каждого встречного пса!
Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллея,
Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,
Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.
Эти слова: никогда и навеки,
За колесом –колею...
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Мариулу твою!
Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце твое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале...– Как я люблю...
Кончено...– Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.
Мы помолчали бы оба – не так ли?
Глядя как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.
И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! –
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.
1913

Над Феодосией угас...

Марина Цветаева

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.
Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.
Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.
И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.
Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

Зимним вечером в Ялте

Иосиф Бродский

Сухое левантинское лицо,
Упрямое оспинками в бачки.
Когда он ищет сигарету в пачке,
На безмянное тусклое кольцо
Внезапно преломляет двести ватт,
И мой хрусталик вспышки не выносит:
Я шурю, и тогда он произносит,
Глотая дым при этом, " виноват".
Январь в Крыму. На черноморский берег
Зима приходит как бы для забавы.
Не в состоянии удержаться снег
На лезвиях и остриях агавы.
Пустуют рестораны. Дымят
Ихтиозавры грязные на рейде.
И прелых листьев слышен аромат.
"Налить вам этой мерзости?" " Налейте".
Итак – улыбка, сумерки, графин.
Вдали буфетчик, стискивая руки,
Дает круги, как молодой дельфин
Вокруг хамсой наполнены фелюги.
Квадрат окна. В горшках – желтофиоль.
Снежинки, проносящиеся мимо...
Остановись мгновенье! Ты не столь
Прекрасно, сколь ты неповторимо.
Январь 1969

Черное море

Зубчатый Ай-Петри синеет во мгле.
Один я стою на прибрежной скале.
Далеко, широко, в раздольном просторе,
Лежишь предо мною, ты, Черное море!
Как полог лазурный, навис над тобой
Безбрежного неба покров голубой.
Облитое солнцем, как зеркало, гладко,
Ты, кажется, дремлешь так тихо, так сладко.
Стою и любуюсь лазурью твоей! -
За что же ты черным сльвешь у людей?..
Нет, грозное имя ты носишь напрасно,
Черно ты в день черный, в день ясный ты ясно.
Ты бурно, ты страшно тогда лишь, когда
Борьбы с ураганом придет череда;
Когда, весь одетый в громовыя тучи,
Он дерзко нарушит покой твой могучий...

Михаил Павлович Розенгейм

Крымские краски

Красочна крымская красота.
В мире палитры богаче нету.
Такие встречаются здесь цвета,
что и названья не знаешь цвету.
Но в окруженье тюльпанов да роз,
я не покрылся забвенья ряской:
светлую дымку твоих волос
Крым никакой не закрасит краской.

Ярослав Смеляков, 1940

Волны приходят, и волны уходят...

Валерий Брюсов

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий,
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге,
Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены,
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

30 июня 1899

Учан-Су

Свежее, слаще воздух горный.
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный,
Со скал летящий учан-Су!
Глядишь – и, точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая, -
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая,
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг, и пеной, и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной...
А горы в синей вышине!
А южный бор и сосен шепот!
Под этот шум и влажный ропот
Стоишь, как в светлом полусне.

Иван Бунин, 1900

В Крымских степях
Иван Алексеевич Бунин

Синеет снеговой простор,
Померкла степь. Белее снега
Мерцает девственная Вега
Над дальним станом крымских гор.

Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра:
Лишь светится багряной ризой
Престол аллы - Шатер-Гора.

Аюдаг
Константин Дмитриевич Бальмонт

Синеет ширь морская, чернеет Аюдаг.
Теснится из-за Моря, растет, густеет мрак.
Холодный ветер веет, туманы поднялись,
И звезды между тучек чуть видные зажглись.

Неслышно Ночь ступает, вступает в этот мир,
И таинство свершает, и шествует на пир.
Безмолвие ей шепчет, что дню пришел конец,
И звезды ей сплетают серебряный венец.

И все полней молчанье, и все чернее мрак.
Застыл, как изваянье, тяжелый Аюдаг.
И Ночь, смеясь, покрыла весь мир своим крылом,
Чтоб тот, кто настрадался, вздохнул пред новым
злом.

Старый Крым
Осип Мандельштам

Холодная весна. Голодный Старый Крым,
Как был при Врангеле – такой же виноватый.
Овчарки на дворе, – на рубищах заплата,
Такой же серенький, кусающийся дым.
Все так же хороша рассеянная даль –
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят, как пришлые, и возбуждает жалость
Апрельской глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица,
А тени страшные – Украины, Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Май 1933

Моряк в Крыму
Иосиф Павлович Уткин

Моряк вступил на крымский берег -
Легко и весело ему!
Как рад моряк! Он ждал, он верил
И вот дождался: он в Крыму!

В лицо ему пахнуло мятой,
Победой воздух напоен.
И жадно грудью полосатой,
Глаза зажмурив, дышит он.

А южный ветер треплет пряди
Волос, похожих на волну,
И преждевременную гладит
Кудрей моряцких седину.

Как много видел он, как ведом
Ему боев двухлетний гул!
Но свежим воздухом победы
Сегодня он в Крыму вздохнул.

И автомат, как знамя, вскинув,
Моряк бросается вперед.
- Туда, где флотская святыня!
- Где бой!
- Где Севастополь ждет!!

Апрель 1944

Крымская ночь

Леонид Петрович Бельский

На побережье росистое
Смотрят звёзды лучистые,
Кипарисы спокойные
Дышат негою знойною,
Из фонтана прохладная
Бьётся струйка отрадная,
И Яйлы очертания
Спят, полны обаяния.

Дремлет лес невидимкою
Под туманною дымкою,
Напоён ароматами;
Замирая над скатами,
Тихо дремлют усталые
Облачка запоздалые,
И луной озарённое
Плещет море бессонное...

Коктебель
Игорь Северянин

Подходят ночи в сомбреро синих,
Созвездья взоров поют звезде,
Поют в пещерах, поют в пустынях,
Поют на морс, поют везде.

Остынет отзвук денного гуда, -
И вьюгу звуков вскрутит закат...
Подходят ночи - зачем? откуда? -
К моей избушке на горный скат.

Как много чувства в их взмахах теплых!
Как много тайны в их ласк волшеб!
Весь ум - в извивах, все сердце - в воплях.
Мечта поэта! пою тебе...

На южном берегу Крыма
Дмитрий Сергеевич Мережковский

Немая вилла спит под пенье волн мятежных...
Здесь грустью дышит всё -- и небо, и земля,
И сень плакучих ив, и маргариток нежных
Безмолвные поля...
Сквозь сон журчат струи в тени кустов лавровых,
И стаи пчел гудят в заросших цветниках,
И острый кипарис над кущей роз пунцовых
Чернеет в небесах...
Зато, незримые, цветут пышнее розы,
Таинственнее льет фонтан в тени ветвей
Невидимые слезы,
И плачет соловей...
Его уже давно, давно никто не слышит,
И окна ставнями закрыты много лет...
Меж тем как всё кругом глубоким счастьем дышит,
Счастливых нет!
Зато в тени аллей живет воспоминанье
И сладостная грусть умчавшихся годов, --
Как чайной розы теплое дыханье,
Как музыка валов...

1889, Мисгор

Аюдаг
Сергей Федорович Дуров

Люблю, облокотясь на скалу Аюдага,
Глядеть, как борется волна с седой волной,
Как, вдребезги летя, бунтующая влага
Горит алмазами и радугой живой, -

Как с илистого дна встает китов ватага
И силится разбить оплот береговой;
Но после, уходя, роняет, вместо стяга,
Кораллы яркие и жемчуг дорогой.

Не так ли в грудь твою горячую, певец,
Невзгоды тайные и бури набегают,
Но арфу ты берешь, и горестям конец.

Они, тревожные, мгновенно исчезают
И песни дивные в побеге оставляют,
Из коих для тебя века плетут венец.

Крым

Назло неистовым тревогам
ты, дикий и душистый край,
как роза, данная мне Богом,
во храме памяти сверкай. <...>

О тихвейные долины,
полдневный трепет над травой
и холм — залёт перепелиный...

О странный отблеск меловой
расщелин древних, где у края
цветут пионы, обагрят
чертополоха чешую,
и лиловеет орхидея...

Владимир Набоков

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...

Максимилиан Волошин

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль
И лежит земля страстная в черных ризах и ораях.
Припаду я к острым щебням, к серым срываю размытых гор,
Причашусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятой, мой торжественный Коктебель!

1907

В Гурзуфе

Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов

Посвящается памяти Пушкина

Он был когда-то здесь; на склоне этих гор
Стоял он в царственном раздумьи; это море
Влекло его мечты в неведомый простор
И отражалось в поднятом к солнцу взоре.
На этом берегу, в соседстве диких скал,
Беглец толпы людской, лишь волн внимая шуму,
Свою великую в тиши он думал думу
И песни вольные в мечтаньях создавал.
Те песни разнеслись по свету, и донныне
В сердцах избранников они звучат... а он,
Певец земли родной, погиб, людской гордыней,
Отравой клеветы и завистью сражен.
В холодном сумраке безвременной могилы
На дальнем севере, под снежной пеленой,
Лежит он - и доднесь презренные зоилы
Святыню имени его сквернят хулой.
Но сердцу верится, что в царстве вечной ночи
Певцу невнятен шум житейской суеты;
Что, сквозь могильный сон, души бессмертной очи
Доступны лишь лучам бессмертной красоты;
Что, может быть, сюда, на этот склон оврага,
Где верные ему платан и кипарис
Под небом голубым и солнцем разрослись,
Где дремлют старые утесы Аю-дага, -
Певца святая тень приносится порой
Вдали земных сует, страстей, обид и горя,
Как некогда, смотреть в простор безбрежный моря,
С волнами говорить и слушать их прибой.

В Крым

К.Р. Константин Романов

Княгине З. Н. Юсуповой

Навстречу птицам перелетным
На дальний юг стремились мы
Из царства северной зимы
К весны пределам беззаботным.

Небес полдневных глубины
Чем дальше, тем ясней синели;
Алмазней звезды пламенели
Среди полночной тишины.

И все обильнее цветами,
Благоуханьем и теплом
Весна дарила с каждым днем,
Лаская нежными лучами.

Пустынных гор последний кряж
Нас отделял еще от цели;
Вдали ворота зачернели,
Все ближе, ближе... О, когда ж!

Мы трепетно переступали
Порог скалистый... Наконец!..
В нас сердце замерло... Творец!
Не сон ли это, не мечта ли?

У наших ног обрыв крутой,
А впереди - неизмеримый,
Безбрежный, необозримый,
Лазоревый простор морской.

Неописуемое море,
Лицом к лицу перед тобой,
Пред этой дивной красотой
Не всякое ль забудешь горе!

Кореиз, 27 апреля 1911

В Ялте

Алексей Фёдорович Иванов

Под лазурным знойным небом,
Торжествуя с тихим югом,
Разлеглась красотка Ялта
Чудным пестрым полукругом.
Дружно сдвинулись над морем
С трех сторон седые горы,
В синем бархатном тумане
Так отрадно тонут взоры.
Дремлют лавры, кипарисы

Средь садов в дали окружной,
И, шумя, на берег волны
Брызжут пеною жемчужной.
По заоблачным вершинам
Ходят солнца переливы;
Но глядят еще роскошней
Эти скалы и обрывы
Под таинственной вечерней
Фиолетовой окраской,
Возникая перед вами

Фантастическою сказкой.
Что за дивная картина!
Но томит хандрой несносной
Простодушного туриста
Элемент ее наносный,
Эти чопорных и модных
Светских дам карикатуры,
Эти глупых джентельменов
Долговязые фигуры.
Эти прелести кокетства

И бездушного жеманства,
Эти милые альфонсы
С видом наглого цыганства...
А кругом по горным скатам
Прихотливей и богаче
В пышной зелени белеют
Бельведеры, виллы, дачи
И виды на дальних высях
Поэтических развалин...

Мимо знатных магазинов,
Ресторанов и купален,
Вдоль по гладкому побережью
Быстро мчатся фазтоны,
Целый день в глазах пестреют

Шляпы, фески и погоны,
Кителя, турнюры, трены,
Азиатские наряды...
С звонким топотом несутся
На прогулки кавалькады.
Взгляньте, как к услугам дамским
Ловок, мил, фамилиарен
Для пути в теснинах горных
Проводник, лихой татарин.
Поглядите, как привычно,
Не торгуясь, без гнева,
Здесь за всё бросают деньги
И направо, и налево.
Здесь дышал бы полной грудью
Чудной прелестью природы,
Если б не было налетной
Безрассудной этой моды!

Евпатория

Владимир Владимирович Маяковский

Чуть вздыхает волна,
и, вторя ей,
ветерок
над Евпаторией.
Ветерки эти самые
рыскают,
глядят
щеку евпаторийскую.
Ляжем
пляжем
в песочке рыться мы
бронзовыми
евпаторийцами.
Скрип уключин,
всплески
и крики -
развлекаются
евпаторийки.
В дым черны,
в тубетейках ярких
караимы
евпаторьяки.
И сравнясь,
загорают рьяней
москвичи -
евпаторьяне.
Всюду розы
на ножках тонких.
Радуются
евпаторёнки.
Все болезни
выжмут
горячие
грязи
евпаторячьи.
Пуд за лето
с любого толстого
соскребет
евпаторство.
Очень жаль мне
тех,
которые
не бывали
в Евпатории.

Земля наша обильна
Владимир Владимирович Маяковский

Я ежжу
по южному
берегу Крыма, -
не Крым,
а копия
древнего рая!
Какая фауна,
флора
и климат!
Пою,
восторгаясь
и озирая.
Огромное
синее
Черное море.
Часы
и дни
берегами едем,
слезай,
освежайся,
ездой уморен.
Простите, товарищ,
купаться негде.
Окурки
с бутылками
градом упали -
здесь
даже
корове
лежать не годится,
а сядешь в кабинку -
тебе
из купален
вопьется
заноза-змея
в ягодицу.
Огромны
сады
в раю симферопольском, -
пудами
плодов
обвисают к лету.
Иду
по ларькам
Евпатории
обыском, -
хоть четверть персика! -
Персиков нету.
Побегал,

хоть версты
меряй на счетчике!
А персик
мой
на базаре и во поле,
слезой
обливая
пушистые щечки,
за час езды
гниет в Симферополе,
Громада
дворцов
отдыхающим нравится.
Прилег
и вскочил от кусачей тоски ты,
и крик
содрогает
спокойствие здравницы:
- Спасите,
на помощь,
съели москиты! -
Но вас
успокоят
разумностью критики,
тревожа
свечой
паутину и пыль:
"Какие же ж
это,
товарищ,
москитики,
они же ж,
товарищ,
просто клопы!"
В душе
сомнений
переполох.
Контрасты -
черт задери их!
Страна абрикосов,
дюшесов
и блох,
здоровья
и
дизентерии.
Республику
нашу
не спрятать под ноготь,
шестая
мира
покроется ею.
О,

до чего же
всего у нас много,
и до чего же ж
мало умеют!

Из Симеиза в Алупку
Василий Васильевич Каменский

М.В. Ильинской

Из Симеиза с поляны Кипарисовой
Я люблю пешком гулять в Алупку
Чтоб на даче утренне ирисовой
На балконе встретить
Снежную голубку.

Я — Поэт. Но с нею незнаком я.
И она боится — странная — людей.
Ах она не знает
Что во мне таится
Стая трепетная лебедей.

И она не знает
Что рожден я
В горах уральских среди озер
И что я — нечаянно прославленный
Самый отчаянный фантазер.

Я только — Возле.
Я только — Мимо.
Я около Истины
И любви.
Мне все — чудесно
Что все — творимо
Что все — любимо
В любой крови.

<1916>

Карадаг

Максимилиан Александрович Волошин

Из цикла «Киммерийская весна»

I

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встаёт из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неуёмной дрожью,
Направь ладью к её подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет тёмная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил —
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

II

Над чёрно-золотым стеклом
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом
Сторожевые изваянья,
Войди под стрельчатый намёт,
И пусть душа твоя поймёт
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря — безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,

Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

Коктебель

Максимилиан Александрович Волошин

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов,
Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой, —
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали

Стиху — разбег, а мысли — меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

6 июня 1918

Крымское
Велимир Хлебников

Записи сердца. Вольный размер

Турки
Вырея блестящего и щеголя всегда - окурки
Валяются на берегу.
Берегу
Своих рыбок
В ладонях
Сослоненных.
Своих улыбок
Не могут сдержать белокурые
Турки.
Иногда балагурят.
Я тоже роняю окурочек...
Море в этом заливе совсем засыпает.
Засыпают
Рыбаки в море невод.
Небо
Слева... в женщине
Вы найдете тень синей?
Рыбаки не умеют:
Наклонясь, сети сеют.
Рабочий спрашивает: "А чи я бачил?"
Перекасти-подем катится собачка.
И, наклонясь взять камешек,
Чувствую, что нужно протянуть руку прямо еще.
Под руководством маменьки
Барышня учится в воду камень кинуть.
На бегучие сини
Ветер сладостно сеет
Запахом маслины,
Цветок Одиссея.
И, пока расцветает, смеясь, семья прибауток,
Из ручонки
Мальчонки
Сыпется, виясь, дождь в уплывающих уток.
Море щедрою мерой
Веет полуденным золотом.
Ах! Об эту пору все мы верим,
Все мы молоды.
И начинает казаться, что нет ничего
невообразимого,
Что в этот час
Море гуляет среди нас,
Надев голубые невыразимые.
День, как срубленное дерево, точит свой сок.
Жарок песок.
Дорога пролегла песками.
Во взорах - пес, камень.

Возгласы: "Мамаша, мамаша!"
Кто-то ручкой машет.
Жар меня морит.
Морит и море.
Блестает "сотки" донце...
Птица
Крутится,
Летя. Круги...
Ах, други!
Я устал по песку таскаться!
А дитя,
Увидев солнце,
Закричало: "Цаца!"
И этот вечный по песку хруст ног!
Мне грустно.
О, этот туч в сеть миглов лов!
И крик невидимых орлов!
Отсюда далеко все видно в воде.
Где глазами бесплотных тучи прошли,
Я черчу "В" и "Д".
Чьи? Не мои.
Мои: "В" и "И".
По устеню
Ящерица
Тащится
Тенью,
Вся нежная от линьки.
Отсюда море кажется
Выполощенным мозолистыми руками в синьке.
День! Ты вновь стал передо мной, как
карапузик-мальчик,
Засунув кулачки в карманы.
Но вихрь уносит песенъ дальше
И ясны горные туманы.
Все молчит. Ни о чем не говорят.
Белокурости турок канули в закат.
О, этот ясный закат!
Своими красными красками кат!
И его печальные жертвы -
Я и краски утра мертвыея.
В эти пашни,
Где времена роняли свой сев,
Смотрятся башни,
Назад не присев!
Где было место богов и земных дев виру,
Там в лавочке - продают сыру.
Где шествовал бог - не сделанный, а настоящий,
Там сложены пустые ящики.
И обращаясь к тучам,
И снимая шляпу,
И отставив ногу
Немного,

Лепечу - я с ними не знаком -
Коснеющим, детским, несмелым языком:
"Если мое скромное допущение справедливо,
Что золото, которое вы тянули,
Когда, смеясь, рассказывали о любви,
Есть обычное украшение вашей семьи,
То не верю, чтоб вы мне не сообщили,
Любите ли вы "тянули",
Птичку "сплю",
А также в предмете "русский язык"
Прошли ли
Спряжение глагола "люблю"? И сливы?"
Ветер, песни сея,
Улетел в свои края.
Лишь бессмертновею
Я.
Только.
"И, кроме того, ставит ли вам учитель двойки?"
Старое воспоминание жалит.
Тени бежали.
И старая власть жива,
И грустны кружева.
И прежняя грусть
Вливает свой сон в слово "Русь"...
"И любите ли вы высунуть язык?" *

Примечания: Вырей -
южные страны. Устенье - камни
около стены. "Тянули" - лакомство,
распространенное в средней России.
"Сплю" - небольшая совка,
водящаяся в Крыму. Турки нередко бывают
белокурами. "Цаца" - слово из
детского языка, зн[ачит] "игрушка,
забава".- Комментарий В. Хлебникова.

Конец 1908

Крым

Дмитрий Борисович Кедрин

Старинный друг, поговорим,
Старинный друг, ты помнишь Крым?

Вообразим, что мы сидим
Под буком темным и густым.

Медуз и крабов на мели
Босые школьники нашли,
За волнорезом залегли
В глубоком штиле корабли.

А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос
И быстрым языком волны

Облизывает валуны.

Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу, -

Как две зеленые свечи
В сандалом пахнущей ночи.

Ты закурил и говоришь:

- Как пахнет ночь! Какая тишь!

Я тут уже однажды был,

Но край, который я любил,

Но Крым, который так мне мил,

Я трехдюймовками громил.

Тогда, в двадцатом, тут кругом
Нам каждый камень был врагом,
И каждый дом, и каждый куст...

Какая перемена чувств!

Ведь я теперь на берегу

Окурка видеть не могу,

Я веточке не дам упасть,

Я камешка не дам украсть.

Не потому ль, что рея земля, -

От Крыма Я до стен Кремля,

Вся до последнего ручья -

Теперь ничья, теперь моя?

Пусть в ливадийских розах есть
Кровь тех, кто не успел расцвести,

Пусть наливают виноград

Та жизнь, что двадцать лет назад

Пришла, чтоб в эту землю лечь, -

Клянусь, что праздник стоит свеч!

Смотри! Сюда со связкой нот

В пижаме шелковой идет

И поднимает скрипку тот,

Кто грыз подсолнух у ворот.

Тропинкой, города правей,

В чадры укрыты до бровей

Уже татарки не идут:

Они играют в теннис тут.

Легки, круглы и горячи,

Летят над сеткою мячи,
Их отбивают москвичи -
Парашютистки и врачи...
Наш летний отдых весел, но,
Играя в мяч, идя в кино,
На углу ялике гребя,
Борясь, работая, любя, -
Как трудно дался этот край,
Не забывай, не забывай!..
Ты смолк. В потемках наших глаз
Звезда крылатая зажглась.
А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос,
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу,
Нам светят, будто две свечи,
В сандалом пахнущей ночи...
Тогда мы выпили до дна
Бокал мускатного вина,
Бокал за родину свою,
За счастье жить в таком краю,
За то, что Кремль, за то, что Крым
Мы никому не отдадим.

Крым
Владимир Владимирович Маяковский

Хожу,
гляжу в окно ли я
цветы
да небо синее,
то в нос тебе магнолия,
то в глаз тебе
глициния.
На молоко
сменил
чай
в сиянье
лунных чар.
И днем
и ночью
на Чаир
вода
бежит, рыча.
Под страшной
стражей
волн-борцов
глубины вод гноят
повыброшенных
из дворцов
тритонов и наяд.
А во дворцах
другая жизнь:
насытись
водной блажью,
иди, рабочий,
и ложись
в кровать
великокняжью.
Пылают горы-горны,
и море синемлужится.
Людей
ремонт ускоренный
в огромной
крымской кузнице.

Феодосия

Максимилиан Александрович Волошин

Из цикла «Личины»

Сей древний град — богоспасаем
 (Ему же имя «Богом дан») —
В те дни был социальным раем.
Из дальних черноморских стран
 Солдаты навезли товару
 И бойко продавали тут
 Орехи — сто рублей за пуд,
Турчанок — пятьдесят за пару —
 На том же рынке, где рабов
 Славянских продавал татарин.
Наш мир культурой не состарен,
 И торг рабами вечно нов.
 Хмельные от лихой свободы
В те дни спасались здесь народы:
 Затравленные пароходы
 Врывались в порт, тушили свет,
Толкались в пристань, швартовались,
 Спускали сходни, разгружались
 И шли захватывать «Совет».
 Мелькали бурки и халаты,
 И пулемёты и штыки,
 Румынские большевики
 И трапезундские солдаты,
«Семёрки», «Тройки», «Румчерод»,
И «Центрослух», и «Центрофлот»,
 Толпы одесских анархистов,
 И анархистов-коммунистов,
 И анархистов-террористов:
 Специалистов из громил.
В те дни понятия так смешались,
 Что Господа буржуй молил,
 Чтобы у власти продержались
 Остатки большевицких сил.
В те дни пришёл сюда посольством
 Турецкий крейсер, и Совет
С широким русским хлебосольством
 Дал политический банкет.
 Сменял оратора оратор.
 Красноречивый агитатор
Приветствовал, как брата брат,
 Турецкий пролетариат,
 И каждый с пафосом трибуна
Свой тост эффектно заключал:
— «Итак: да здравствует Коммуна
 И Третий Интернационал!»
 Оратор клал на стол окуроч...
Тогда вставал почтенный турок —

В мундире, в феске, в орденах —
И отвечал в таких словах:
— «Я вижу... слышу... помнить стану...
И обо всём, что видел, — сам
С отменным чувством передам
Его Величеству — Султану».

В Мисхоре

Владимир Вишневский

У моря, в июне, в Мисхоре
Иудино древо цвело.
В Мисхоре, в июне, у моря
Дышалось - и зло не брало.
С большой впечатляющей силой
Я в море купался, как мог.
С женою чужой, но красивой
Я плавал за красный буюк.
На уровне теплого моря
Неправдоподобно жилось.
Мы слишком не ведали горя -
Мы ведали радость, но вскоре,
Как водится, все обошлось ...
Фонтану Бахчисарайского дворца

Александр Пушкин

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, левая, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне былль...

Фонтан любви, фонтан печальный!

И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...
Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?
Иль только сон воображенья
В пустынном мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?
Старыми тропами Нового Света
Виссарион Петербургский
Море и скалы. Солнце и море.
Античным философам вторя,
Иду не спеша по разбитой дороге.
Обуты в сандалии босые ноги...
Покоен утром Новый Свет.
Над морем медленный рассвет,
В амфитеатре скал и гор,
Ночной грозе наперекор,
Залив и лодки рыбаков,
И жены, ждущие улов...
Полчаши темной бирюзы...
А мне - минувшего призы,

В корнях раскидистой сосны
(Сбылись мечтательные сны!) -
Потоками размыты черепки:
Обломок кирпича и битые горшки,
И перламутр моллюска средь золы,
Барашков обгорелые мослы,
И донце килика, и рукоять...
Здесь время обратилось вспять.
Тонка эпох связующая нить -
Её дано нам сохранить,
Как очагов погасших дым
Вдоль троп, пересекавших Крым...
В тени, у виноградного куста,
Под аркой старого моста,
Ступени, падающие вниз,
Ведут не в ад, но в Парадиз.
Старинный грот, а в нем родник
Устроил титулованный старик...
Здесь - по обычаю древней Эллады -
Вино разбавляю водою прохладной.
...Вечные волны, скользят рядом,
Я провожаю невидящим взглядом.

Таврида
Константин Батюшков

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают,
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовью равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком:
Забудем имена Фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод,-
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль урну хладную вращая водолей,
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки,-
О, радость! ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной: твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор стоит, дивится и немеет.

Пререканье с Крымом

Белла Ахмадулина

Перед тем как ступить на балкон,
Я велю тебе, Богово чудо:
Пребывай в отчужденье благом!
Не ищи моего пересуда.
Не вперяй в меня рай голубой,
Постыдись этой детской уловки.
Я-то знаю твой кроткий разбой,
Добывающий слово из глотки.
Мне случалось с тобой говорить,
Проболтавшийся баловень пыток,
Смертным выдохом ран горловых
Я тебе поставляла эпитет.
Но довольно! Всесветлый объем
Не таращ и предайся блаженству.
Хватит рыскать в рассудке мо+м
Похвалы твоему совершенству.
Не упорствуй, не шарь в пустоте,
Выпит мед из таинственных амфор.
И по чину ль твоей красоте
Примерять украшенье метафор?
Знает тот, кто в семь дней сотворил
Семицветие белого света,
Как голодным тщеславьем твоим
Клянчишь ты подаяний поэта?
Прогоняю, стращаю, клянчу,
Выхожу на балкон. Озираюсь.
Вижу дерево, море, луну,
Их беспамятство и безымянность.
Плачу, бедствую, гибну почти,
Говорю: - О, даруй мне пощаду,
Погуби меня, только прости!-
И откуда-то слышу: - Прощаю...

1969

Коктебель

Максимилиан Волошин

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.
С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов,
Огнь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой, —
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

6 июня 1918

Карадаг

Максимилиан Волошин

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неумной дрожью,
Направь ладью к ее подножью
Пустынным вечером – один.
И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил -
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь утор веков,
Клубится мрамор всех веков -
Самофракийская Победа!

Крым
Владимир Маяковский

И глупо звать его
'Красная Ницца',
и скушно
звать
'Всесоюзная здравница'.
Нашему
Крыму
с чем сравниться?
Не с чем
нашему
Крыму
сравниваться!
Надо ль,
не надо ль,
цветов наряды -
лозою
шесточек задран.
Вином
и цветами
пьянит Ореанда,
в цветах
и в вине -
Массандра.
Воздух -
желт.
Песок -
желт.
Сравнишь -
получится ложь ведь!
Солнце
шпарит.
Солнце -
жжет.
Как лошадь.
Цветы
природа
растрчивает, соря -
для солнца
светлоголового.
И все это
наслаждало
одного царя!
Смешно -
честное слово!
А теперь
играет
меж цветочных ливней
ветер,

пламя флажков теребя.

Стоят санатории
разных именей:

Ленина,
Дзержинского,
Десятого Октября.

Братва -
рада,
надела трусики.

Уже
винограды
закручивают усики.

Рад
город.
При этаким росте
с гор
скоро

навезут грозди.

Посмотрите
под тень аллея,
что ни парк -
народом полон.

Санаторники
занимаются
'волей',

или
попросту
'валяй болом'.

Винтовка
мишень
на полене долбит,
учатся
бить Чемберлена.

Целься лучше,
у лордов
лбы
тверже,
чем полено.

Третьи
на пляжах
себя расположили,
нагоняют
на брюхо
бронзу.

Четвертые
дуют кефир
или

нюхают
разную розу.

Рвало
здесь
землетрясение

дороги петли,
сакли
расшатало,
ухватив за край,
развезувился
старик Ай-Петри.
Ай, Петри!
А-я-я-я-яй!
Но пока
выписываю
эти стихи я,
подрезая
ураганам
корни,
рабочий Крыма
надевает стихиям
железобетонный намордник.

Алупка 25/VII – 1928

Дом поэта
Максимилиан Волошин

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колочим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций —
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окоем
Замкнул залив Алкеевым стихом,
Асимметрично-строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там — за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье),
Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя, —
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.
Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть и тот же мрачный гений
В борьбе племен и в смене поколений.
Доселе грезят берега мои

Смоленные ахейские лады,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками.
В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глёт зеленовато-бусый
Соседействуют с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста
Среди булыжников оцепенели
Узорная арабская плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата —
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата.
Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень —
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы — Россия — не пришли.
За полтора года лет — с Екатерины —
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли;
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел. Источники иссякли.
Нет в море рыб. В фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомерово́й страны,
И патетически обнажены
Ее хребты и мускулы и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.
Усобица и голод и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняли со дна.
В те дни мой дом — слепой и запустелый —
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер —

Фанатики непримиримых вер —
Искали здесь под кровлею поэта
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя — губить, друг друга — истреблять,
И сам читал — в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил:
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток,
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.
Войди, мой гость: стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь — их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России.
Я в эти дни ее немой укор.
И сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнания,
Чтоб в годы лжи, паденья и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет всё — Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия
Развееется... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек.

Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

25 декабря 1926